

Иванова Елена Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: emiva@yandex.ru

Ivanova Elena Mikhailovna

PhD in Philology, Associate Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: emiva@yandex.ru

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ПАРАМЕТРЫ ОППОЗИЦИИ
«СВОЙ – ЧУЖОЙ» В СОВРЕМЕННОМ
ДИСКУРСЕ РУССКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕКСТОВ Е. ХОЛМОГОРОВА)**

**LINGUOPRAGMATIC PARAMETERS OF
THE OWN – ALIEN OPPOSITION IN THE
CONTEMPORARY DISCOURSE OF
RUSSIAN NATIONALISM
(ON THE MATERIAL OF
E. KHOLMOGOROV'S TEXTS)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о репрезентации базовой оппозиции политического дискурса «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в дискурсивных практиках современного русского национализма; дается общая характеристика данной оппозиции в пространстве политической коммуникации; представлены ее лингвопрагматические параметры и параметры в националистическом дискурсе, а также их реализация в текстах Егора Холмогорова.

Ключевые слова: дискурсивная формация, националистический дискурс, оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ», политический дискурс, русский национализм, лингвопрагматика

Abstract. The article examines the representation issues regarding the basic opposition of the political discourse OWN – ALIEN in the discursive practices of modern Russian nationalism, gives a general description of the opposition OWN – ALIEN in the space of political communication, presents linguistic and pragmatic parameters of this opposition in the texts by Egor Kholmogorov.

Keywords: discursive formation, nationalist discourse, opposition OWN – ALIEN, political discourse, Russian nationalism, linguistic pragmatics

---

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза»).

Введение

Осмысление феномена русского национализма во всем богатстве и сложности его исторической, идеологической, политической и социокультурной сюжетике, в совокупности его дискурсивных практик, безусловно, является актуальной и масштабной областью современных гуманитарных исследований, среди которых к принципиально востребованным относится комплексно-сопоставительное изучение националистической коммуникации начала XX в. и конца XX – начала XXI в. Именно такой подход позволяет выявить лингвокогнитивные и лингвопрагматические константы и доминанты, репрезентированные в разножанровых и разноформатных

текстах представителей русского национализма. Последнее связано с преимущественно дискурсивной по своей природе формой организации русских националистов. Как замечает один из исследователей истории русского национализма А. И. Миллер, справедливо, что правильнее говорить не о русском националистическом движении как организованной силе, а, скорее, о русском националистическом дискурсе, который в XIX в. постепенно утверждался в обществе, но не вел, вплоть до начала XX в., к возникновению политических структур. Если можно различать «сильные» и «слабые» национализмы, то русский национализм скорее принадлежит ко второй категории и в организационном, и в эмоциональном измерении¹. Эта определенная «слабость» русского национализма порождает и проблему «плавающих» дискурсивных границ, и проблему отнесенности тех или иных персоналий к данному идеологическому течению. Как результат – в собственно исследовательской повестке дня (включая и более прикладной лингвоэкспертный аспект) остаются поиск и очерчивание системы лингвопрагматических параметров русского националистического дискурса, которые выполняют функции интеграции и дифференциации и отражают специфику развития рассматриваемого явления. Данная статья посвящена рассмотрению особенностей реализации конститутивной для политической коммуникации оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в дискурсивных практиках современного русского национализма, в частности в текстах одного из представителей русского национализма – Егора Холмогорова.

Основная часть

1. Общая характеристика оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в политическом дискурсе

Учитывая, что дискурс – отложившийся и закрепленный в языке способ упорядочения действительности и видения мира, выражающийся в разнообразных практиках и не только отражающий мир, но и проектирующий, создающий его², речь должна идти о дискурсивной формации – одном из ключевых понятий теории, представляющей «дискурс в контексте исторически изменяющихся структур»³. Русский национализм, представляя собой самостоятельную дискурсивную формацию, как и любая другая подобная формация, способен «порождать элементы, которые включаются в новые дискурсивные формации, устанавливаются внутри новых идеологических отношений»⁴. В этой плоскости возникает вопрос о традиционности / инновационности дискурсивных практик в современной политической коммуникации; он в свою очередь ставит задачу изучения природы и характера наследуемых (возвращающихся, приспособляющихся, порождаемых) элементов дискурса. Как мы уже отмечали

¹ Миллер А. И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4. – С. 141–151.

² Там же. – С. 141.

³ Бурцев В. А. Дискурсивная формация как единица анализа дискурса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 10 (66). – С. 9.

⁴ Пеше М., Фуке К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под редакцией П. Серио. – Москва: Прогресс, 1999. – С. 108.

в одной из своих работ¹, если попытаться дифференцировать наследуемые элементы политического дискурса в зависимости от их природы и характера, то может возникнуть нечто, подобное уровневой системе организации. Первая группа таких элементов, потенциальный первый уровень, будет связан с главными, конститутивными признаками политического дискурса: с категорией «воли к власти», включенной современной психологией в ряд основополагающих мотивов человеческих поступков и предельно актуализированной в интересующей нас сфере. Наследоваться здесь могут, прежде всего, дискурсные элементы, связанные с выбранными в качестве доминантных и приоритетных в данной социальной модели путями реализации «воли к власти». Это либо позитивный рациональный путь, базирующийся на Убеждении, либо путь инстинктивный, в основе которого категория не Убедить, а Заставить, опираясь на два стимула – Страх и Корысть. В данном случае приоритетом дискурсной формации служит речевое императивное воздействие. Совершенно очевидно, что здесь появляется широкий контекст для анализа наследуемых элементов дискурсной формации (связь с логосферой, социальной моделью, автократия, демократия и т. д.). В первой группе должны оказаться и элементы, проявляющие второй конститутивный признак дискурса политики, – элементы агональности, свидетельствующие о наличии оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» вне зависимости от выбранного в социальной и политической модели пути реализации «воли к власти». Вторую группу, потенциальный второй уровень организации, будут наполнять элементы, уже более факультативные по своему характеру, связанные с набором свойств языка политики: большой смысловой неопределенностью, фантомностью, фидеистичностью, эзотеричностью, театральностью, дистанцированностью, институциональностью, агрессивностью (если говорить о подмеченной и проанализированной тенденции в современном отечественном политическом дискурсе). И, наконец, третья группа наследуемых элементов дискурсивной формации, потенциальный третий уровень, – это уровень отдельных слов и словосочетаний, которые включают в себе центральные для данной политической концепции ценностные понятия и вокруг которых наблюдается «наибольшее мифологическое напряжение»: Родина, национальное достоинство, национальная идея, социальная справедливость, правовое государство, цивилизованный рынок и т. д.

Конструктивный принцип политической коммуникации «борьба за власть» детерминирует существование в дискурсе политики оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в качестве организующего начала. «Дух соперничества, стремление поддержать “своих” и показать в неприглядном виде “чужих” – это типичные свойства всякой политической коммуникации»². Именно по этой причине изучение различных идеологических, политических направлений и течений в дискурсивном аспекте должно начинаться с рассмотрения системы языковых, текстовых, реализующих оппозицию «СВОЙ – ЧУЖОЙ» (элементы первой группы) в пространстве конкретного дискурса параметров.

---

¹ Иванова Е. М. О традиционности современного политического дискурса // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, октябрь 2003 г.) / под редакцией А. П. Чудинова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. – С. 58–59.

² Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – С. 71.

В ставшей хрестоматийной статье «Война языков» Р. Барт писал о том, что война в языке возникает тогда, когда «в дело вступает общество со своими социоэкономическими и невротическими структурами <...>, образуя из языка поле брани», и там, «где различие превращается обществом в конфликт»¹. Фундаментальным архетипическим противопоставлением социокультурного характера является оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ», признаваемая для политической коммуникации базовой и рассматриваемая «во многих современных лингвистических исследованиях, авторы которых выражают различные точки зрения относительно ее статуса»². На наш взгляд, наиболее принципиальное соображение связано с оценкой данной оппозиции как проекции основной семиотической триады «интеграция – ориентация – агональность». Так, по мнению Е. И. Шейгал, обозначенная триада в политической коммуникации обусловлена прежде всего функционально – субъекту политического дискурса нужно: а) сформулировать и разъяснить свою позицию; б) найти и сплотить сторонников; в) бороться с соперниками, политическими оппонентами³. Поскольку политические дискурсивные формации обладают определенными границами (ментальными, методологическими, содержательными), то дискурс, как пишут авторы монографии «История в дискурсе политики. Лингвистический образ “своих” и “чужих”», «образует рамочное пространство вокруг “своего” – неких однородных идей, теорий смыслов, овеществленных в текстах, когнитивных стратегий автора, взаимодействующего со своим же адресатом»⁴. При этом природная антропоцентрическая сущность оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» определяет и одно из главных ее свойств – способность формировать оценочное поле текста. В связи со степенью категоричности в выражении той или иной (+ / –) оценки, а также с дифференциацией оценочных инструментов, используемых субъектами общественно-политической коммуникации, у исследователей самых разных областей гуманитарного знания (этносоциологов, психологов, политологов, филологов, историков) возникает необходимость разобраться в сути механизмов, участвующих в создании данной поляризации. Следует отметить и существование разных подходов к интерпретации аксиологического потенциала оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в аспекте комплементарности / контрарности. В случае контрарного подхода оппозиция градуируется и появляется промежуточная категория ДРУГОГО⁵. Такой подход оказывается очень продуктивным, обнаруживающим сложносочиненность, диалектичность композита СВОЙ – ЧУЖОЙ – ДРУГОЙ. Это последовательно и убедительно показано на объемном эмпирическом материале в работах М. Н. Герасимовой, предметом которых стали кон-

¹ Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва: Прогресс: Универс, 1994. – С. 536.

² Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих». – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – С. 30.

³ Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Москва: Перемена, 2000. – 326 с.

⁴ Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих». – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – С. 18.

⁵ Алиева Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2013. – 28 с.

цепты СВОЙ, ЧУЖОЙ, ДРУГОЙ в русскоязычном Интернете¹. Автор, анализируя тематическую карту этнически ориентированных сайтов Рунета, делит тексты по характеру оценки относительно СВОЕГО, ЧУЖОГО и ДРУГОГО и определяет, какой процент в теме занимают высказывания с той или иной оценкой. Приведенные ниже таблицы количественного анализа оценочности всех трех концептов² (см. табл. 1, 2, 3) дают представление о сложной корреляции как между оценками внутри трехмерной шкалы (+), (0), (-) в пределах одного концепта, так и между оценками разных концептов в триаде СВОЙ – ЧУЖОЙ – ДРУГОЙ.

Таблица 1

Оценочность репрезентации концепта СВОЙ

Тема	Всего	Оценка					
		+		0		–	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Политическая система	64	48	75,00	0	0,00	16	25,00
Экономическая система	23	12	52,17	2	8,70	9	39,13
Преступный мир	32	0	0,00	0	0,00	32	100,00
Системы образования, здравоохранения, работа полиции	41	28	68,29	4	9,76	9	21,95
Россия	93	70	75,27	7	7,53	16	17,20
Военные действия	71	32	45,07	3	4,23	36	50,70
Отношения между представителями противоположных полов	39	14	35,90	16	41,03	9	23,08
Проблемы иммиграции	87	19	21,84	12	13,79	56	64,37
Спортивная тематика	11	6	54,55	3	27,27	2	18,18
Знаменитые люди	31	20	64,52	6	19,35	5	16,13
Прочие темы	26	10	38,46	5	19,23	11	42,31
Итого	518	259	50,00	58	11,20	201	38,80

¹ Герасимова М. Н. Формирование образа врага средствами оценочной номинации (на материале современного политического дискурса) // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XII выездной школы-семинара (Череповец, 29–30 ноября 2013 г.) / ответственный редактор Е. В. Грудева. – Череповец: ЧГУ, 2014. – С. 93–99; Герасимова М. Н., Грудева Е. В. Языковая личность в этнически ориентированном Рунете (на примере функционирования концептов СВОЙ, ЧУЖОЙ, ДРУГОЙ) // Современная языковая личность: типы порождаемых текстов и методы их изучения / под редакцией Е. В. Грудевой. – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 105–125.

² Герасимова М. Н., Грудева Е. В. Языковая личность в этнически ориентированном Рунете (на примере функционирования концептов СВОЙ, ЧУЖОЙ, ДРУГОЙ) // Современная языковая личность: типы порождаемых текстов и методы их изучения / под редакцией Е. В. Грудевой. – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 105–125.

Таблица 2

Оценочность репрезентации концепта ЧУЖОЙ

Тема	Всего	Оценка					
		+		0		–	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Политическая система	89	33	37,08	13	14,61	43	48,31
Экономическая система	35	13	37,14	2	5,71	20	57,14
Преступный мир	89	20	22,47	18	20,22	51	57,30
Системы образования, здравоохранения, работа полиции	21	12	57,14	6	28,57	3	14,29
Россия	101	31	30,69	7	6,93	63	62,38
Военные действия	112	14	12,50	3	2,68	95	84,82
Отношения между представителями противоположных полов	21	3	14,29	10	47,62	8	38,10
Проблемы иммиграции	101	14	13,86	14	13,86	73	72,28
Спортивная тематика	8	4	50,00	2	25,00	2	25,00
Знаменитые люди	21	10	47,62	8	38,10	3	14,29
Прочие темы	9	2	22,22	2	22,22	5	7,50
Итого	607	156	25,70	85	14,00	366	60,30

Таблица 3

Оценочность репрезентации концепта ДРУГОЙ

Тема	Всего	Оценка					
		+		0		–	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%
Политическая система	23	17	73,91	2	8,70	4	17,39
Экономическая система	19	14	73,68	2	10,53	3	15,79
Системы образования, здравоохранения, работа полиции	33	24	72,73	6	18,18	3	9,09
Россия	5	2	40,00	2	40,00	1	20,00
Отношения между представителями противоположных полов	32	14	43,75	8	25,00	10	31,25
Проблемы иммиграции	29	19	65,52	6	20,69	4	13,79
Спортивная тематика	34	15	44,12	13	38,24	6	17,65
Знаменитые люди	41	29	70,73	7	17,07	5	12,20
Прочие темы	59	34	57,63	12	20,34	13	7,50
Итого	275	168	61,09	58	21,09	49	17,82

Как замечает Е. В. Грудева, «при формировании концептосферы, отражающей особенности этнического менталитета, национального характера и поведения, в каждой локальной культуре происходит как разграничение и противопоставление СВОЕГО и ЧУЖОГО, СВОЕГО и ДРУГОГО, так и их сближение, взаимопроникновение. <...> сегодня, в условиях нарастающей глобализации и усиливающегося сопротивления глобализационным процессам, оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ, СВОЙ –

ДРУГОЙ в межкультурной коммуникации приобретает глобальные формы¹. Это в полной мере относится и к общественно-политической коммуникации.

2. Лингвопрагматические параметры оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в националистическом дискурсе

Как показывают исследования русского националистического дискурса, касающиеся и вопросов его конструирования², и вопросов формирования и функционирования его концептосферы³, и вопросов его речевого генезиса⁴, в каждом из перечисленных аспектов обнаруживается необходимость обращения к установлению и объяснению демаркационных линий внутри триады СВОЙ – ЧУЖОЙ – ДРУГОЙ, коммуникативная гибкость и семантическая эластичность которой основана на прагматической и социальной сущности данного феномена. При этом в поле зрения исследователей оказывается и вопрос о наборе лингвопрагматических способов и средств репрезентации оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в дискурсивном пространстве русского национализма.

К наиболее репрезентативным источникам изучения контента русского националистического дискурса в фокусе его зарождения и оформления как особой дискурсивной формации ученые относят учебную литературу, например, школьные учебники по истории, правительственную прессу, в которой транслировалась официальная точка зрения на происходящие в стране события, мнения о том или ином этносе, проживающем в Российской империи; кроме того, с начала XX в. создаются печатные издания для трансляции крайне правых и антисемитских идей («Бессарабец» и «Знамя» П. А. Крушевана), в 1905 г. возникает «Союз русского народа», имеющий и свой печатный орган – газету «Русское знамя». Именно период появления этих медийных ресурсов С. А. Громько считает этапом зарождения русской националистической риторики, характеризуя его следующим образом: «На данном этапе националистический дискурс только оформлялся в качестве составляющей русского политического дискурса рубежа веков и не имел системного характера, выступления националистов были ограничены такими площадками, как небольшой сегмент правой печати, речи на митингах и собраниях единомышленников»⁵. Заметим, что в целом ряде работ по истории философской и политической мысли в России зарождение националистического дискурса соотносят с началом XIX в., с фигурой Н. М. Карамзина⁶, однако, бесспорно, что институализация дискурса русского наци-

¹ Современная языковая личность: типы порождаемых текстов и методы их изучения / под редакцией Е. В. Грудевой. – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 8.

² Палеева Н. В. Конструирование русского националистического дискурса и его «Другие» в 1860–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Санкт-Петербург: Лема, 2006. – 16 с.

³ Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 242–245.

⁴ Громько С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 217–224.

⁵ Там же. – С. 217.

⁶ Живов В. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 3 (91). – С. 114–140; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 246 с.; Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. – 2012. –

онализа состоялась в 1907 г.: именно тогда в депутатском корпусе II Государственной думы появились представители праворадикальной идеологии. Стенографические отчеты выступлений депутатов на сессиях дореволюционной Государственной думы разных созывов – важнейший источник эмпирического материала для многофакторного анализа речевой деятельности как отдельных субъектов русского националистического дискурса, так и в целом дискурсивной системы русского национализма, об этом ярко свидетельствуют работы С. А. Громыко¹.

Современный этап существования интересующей нас дискурсивной формации характеризуется резким увеличением количества источников исследования в соответствии с ростом количества и разнообразия дискурсивных практик русского национализма, изменением характера самого текстового материала. Убедительной иллюстрацией этого может служить научный проект «Лингвистика и психология: экстремистский текст и деструктивная личность», реализованный в 2012–2014 гг. в Уральском государственном педагогическом университете. В рамках данного проекта проводилась «реконструкция» когнитивной базы экстремистского текста в современном молодежном националистическом дискурсе. В качестве материала в проекте были использованы: 1) тексты современных музыкальных групп радикальной националистической направленности, популярные среди русских НС-скинхедов, националистов и неонацистов («Коловрат», «Циклон Б» и др.); 2) тексты, созданные под именами известных общественных организаций, признанных экстремистскими («Формат 18», «Славянский союз» и др.); 3) тексты, распространяемые (написанные, читаемые, выложенные на персональной странице и т. д.) известными представителями указанных выше организаций (например, лидером организации «Формат 18» Тесаком); 4) тексты, «сопровождающие» такие националистические акции в России, как «Русский марш», «Русские пробежки» (в первую очередь учитывались кричалки и выступления лидеров); 5) тексты, распространяемые в социальных сетях и при-

---

№ 1 (46). – С. 162–186; Летняков Д. Э. Н. М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 72–86.

¹ Громыко С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 56. – С. 23–33; Громыко С. А. Ирония в выступлениях депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе (на материале выступлений Н. Е. Маркова) // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике, 1–3 февраля 2017 г. / под редакцией В. И. Аннушкина. – Москва: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 128–134; Громыко С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 217–224; Громыко С. А., Ганичева С. А. Антитетические модели построения высказывания в русской парламентской речи начала XX века (на материале выступлений депутатов-националистов) // Казанская наука. – 2018. – № 10. – С. 80–83; Громыко С. А. Художественная литература как источник прецедентности в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале речей депутатов-националистов) // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 40–52; Громыко С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 7–1 (61). – С. 112–115.

влекшие внимание правоохранительных органов (материалы судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности)¹. Представленный перечень – яркое свидетельство многообразия новых форм существования русского националистического дискурса, коммуникативных площадок для его функционирования, а также пример многочисленности самих субъектов дискурса. Комплексность причин такого положения дел – предмет постоянной научной рефлексии социологов, политологов, историков, психологов, культурологов, филологов, теоретиков права.

Прагматический анализ дискурсивных националистических практик показывает, что коммуникативные стратегии, выбираемые субъектами дискурса, фокусируются на создании: 1) образа врага; 2) оппозиции по национальному / религиозному признаку; 3) образа освободительных действий – и в первую очередь являются производными от когнитивной бинарной оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Сама же эта оппозиция может быть рассмотрена максимально широко – «как вариант реализации родовой стратегии редуционизма»². При использовании данной стратегии есть возможность разбить когнитивную модель текста на части, сделать ее поляризованной. В отношении оппозиции «СВОИ – ЧУЖИЕ» следствием редукиции «является упрощенное восприятие полюса “чужие”»³. Поляризация и упрощенность обуславливают повышенный уровень агрессивности националистического дискурса, агонального по своей природе. Именно по этой причине такая коммуникативная среда благоприятна и для распространения текстов экстремистской направленности, для которых характерно обязательное использование разнообразных средств вербальной агрессии, желание сформировать у адресата определенное внутреннее убеждение, а зачастую и призвать его к выполнению определенных действий.

Среди внушительного арсенала языковых средств для создания негативного образа ЧУЖОГО в националистическом дискурсе наиболее активно используется метафора. Так, исторический аспект конструирования русского националистического дискурса непосредственным образом связывается с категорией «Другие», а образ «Себя», сформированный на основе противопоставления группам «Других», «изначально несет в себе тактику “хозяина”, принимающего гостей (“Других”) на “своей” территории»⁴. Последнее определяет место архетипической метафоры дома как одной из центральных в метафорике русского националистического дискурса. С ней (уже в современном националистическом дискурсе) тесно связана метафора война, защитника и освободителя. Поскольку большая часть контента современного националистического дискурса представлена креолизованными текстами, то содержательная связь невербального компонента (фото, видео, аудио) с вербальным устанавливается в силу того, что адресат воспринимает изображение как иллюстрацию к тексту, следовательно, в подобных текстах используется большое количество визуальных образов война, в том числе прецедентных, отсылающих к историческому про-

---

¹ Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 242–245.

² Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих». – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – С. 35.

³ Там же. – С. 36.

⁴ Палеева Н. В. Конструирование русского националистического дискурса и его «Другие» в 1860–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Санкт-Петербург: Лема, 2006. – С. 8.

шлomu (Дмитрий Донской, Евпатий Коловрат)¹. Экспертная практика по лингвистическому исследованию русского националистического дискурса в его крайнем, экстремистском проявлении обнаруживает максимальную категоризацию семантики свойственности / чуждости, что ведет и к максимальной в позитивной оценке СВОЕГО (МЫ) (*герои, потомки славных витязей, славяне, патриоты*), и к инвективности языковых единиц, оформляющих семантическое поле ЧУЖОГО (ОНИ) (*вырожденцы, выродки, чужаки, грязь, зараза* и т. п.).

Уже упомянутый нами период институализации русского националистического дискурса в начале XX в. характеризуется использованием иронического кода по отношению к самым разным объектам речевых атак. «В основе речевой агрессии русских националистов в Думе лежала ирония, переходящая в издевку и осмеяние», – резюмирует С. А. Громыко², анализируя средства речевой агрессии, применяемые праворадикальными депутатами II Государственной думы. На наш взгляд, ироническое кодирование в разных своих формах – универсальная технология, в значительной степени реализующая коммуникативно-прагматическую и языковую специфику националистического дискурса, который стратегически и тактически нацелен на эффективное отчуждение, дистанцированность СВОИХ от ЧУЖИХ.

Разумеется, основные коммуникативно-прагматические особенности русского националистического дискурса в представлении оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ», перечисленные нами, – это своего рода инвариант, обладающий значительной изменчивостью в речевой деятельности субъектов данной дискурсной формации.

3. Реализация оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в текстах Е. Холмогорова

Большое разнообразие и значительное количество текстов, формирующих современный дискурс русского национализма, исторический факт существования «плавающих» дискурсивных границ данной идеологии ставит задачу установления своего рода «националистического статуса» автора текста (-ов). Объектом нашего внимания стали личность и публицистика Егора Холмогорова, который ведет активную общественно-политическую, образовательно-просветительскую деятельность в современном российском медиапространстве, открыто позиционируя себя как русского националиста: *«Профессиональный русский националист и историк-любитель (мог бы стать историком-профессионалом, но услышав на истфаке МГУ “нам еще отличники не нужны” повернулся к нему задом). Родился в Москве в 1975 году, но, на четвертом десятке, уехал жить в наукоград за 101 километр. Один из ветеранов рунета и русской блогосферы <...>. Стоял у истоков самых разных памятных читателям изданий – от боевых листовок до интеллектуальных журналов, «Спецназ России», «Отечественные Записки», «Консерватор». В 2008 году создал и возглавил сайт «Русский Обозреватель». В 2005 году открывал с Казанской иконой Божией Матери первый «Русский Марш». Пожалуй, самый востребованный в электронных СМИ русский националист <...>. Православный ортодокс, верящий в то, что небо и земля сотворены в 6 дней, а в конце времен свернутся как свиток. Известен экстравагантным стилем – от русских косовороток до австрийских кителей и при-*

¹ Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 242–245.

² Громыко С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 221.

страстием к тростям. Превратил свою страсть книголюба в уникальный твиттер-проект “100 книг” (отрывок из текста самопрезентации Е. Холмогорова на сайте общественно-политической газеты «Взгляд» (<http://admin.vz.ru/columns/2013/12/4/662621.html>)); *«Родился в 1975 г. в Москве. Публицист, историк, политический философ, теолог и кинокритик. Один из идеологов русского национализма, развивает его христиански-консервативное направление. Автор концепции “атомного православия”. Один из идеологов русской ирреденты и воссоединения русских земель, придумавший термин “русская весна”. Сторонник внесения “русской поправки” в конституцию России, предложил свой вариант преамбулы Конституции. В прошлом обозреватель радиостанций “Маяк” и “Русская служба новостей”, колумнист “Известий”, телеведущий НТВ. В настоящее время обозреватель телеканала “Царьград”*» (текст из блога Е. Холмогорова «Разговоры о самоопределении русского народа» в Живом журнале (<https://holmogor.livejournal.com/#holmogor763492>)). Фигура Е. Холмогорова, его политические взгляды и пристрастия, представленные в многочисленных разножанровых текстах, безусловно, вызывают неоднозначные оценки, рождают споры, но с точки зрения задач исследования современного русского националистического дискурса столь заметная и открыто выражающая свою идеологическую позицию личность – интересный и необходимый объект изучения. Материалом для нашей работы стали статьи автора в интернет-издании «Взгляд», в большинстве своем размещенные и в его (Холмогорова) личном блоге. Е. Холмогоров сотрудничал с газетой «Взгляд» в период с апреля 2011 г. по февраль 2019 г., являлся колумнистом издания. За это время опубликована 121 статья.

В рамках нашей работы обратимся к заголовкам авторских материалов; это обусловлено не только количественными ограничениями, но и значимостью заголовка в наметившемся тренде на компактизацию медиаформатов, прежде всего газетных, максимальной нагруженностью этой текстовой позиции в процессе восприятия информации в ее современных объемах (феномен серфингового чтения) и уровнем медиатизации текста. В первую очередь для рассмотрения оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» отбирались статьи, заголовки которых включали: 1) местоимения, так как сама структура данной оппозиции изначально местоименна и в исследованиях характеризуется следующим образом: «для определения границы между “своим” и “чужим” необходимо осознание себя как Я в противопоставлении ДРУГОМУ. Оппозиция Я – ДРУГОЙ, организующая единство семантического образования “свой – чужой”, является производящей основой для образования групп более сложного характера, предполагающих не только различие, но и потенциальное взаимодействие: Я – МЫ (выражение человеческой общности); Я – ТЫ (процесс коммуникации с другими людьми); Я – Я (процесс автокоммуникации, внутренний диалог с собой); МЫ – ОНИ (взаимодействие на уровне разных социальных общностей); Я – ОНИ (противопоставление себя социальной группе)»¹; 2) антитетичные модели построения; 3) лексему «русский», функционально соответствующую и прагматике этнодифференциации, и установке на этноинтеграцию.

---

¹ Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 4 (48). – С. 176.

Первая группа заголовков представлена 11 единицами: «Как мы становимся Иудами для самих себя», «Наш Дед Мороз не по зубам боевым феминисткам», «Православные в этом конфликте именно мы», «Мы не будем оплачивать счет за разбитый Брежневым фарфор», «Зачем нам нужен памятник Солженицыну», «Станет ли призрак Австрийской империи нашим союзником в Европе?», «Они бы убивали, если бы могли», «Как спасти наш странный средний класс», «Кого ненавидят “патриоты заграницы”», «Наши предки скифы», «Не поверите – они там работают». Лексико-семантическое наполнение заголовков и их синтаксическое решение дает возможность очертить первые контуры оппозиции: на полюсе СВОИ – МЫ = Иуды для самих себя; православные; Дед Мороз; ТЕ, КТО не будет оплачивать разбитый Брежневым фарфор; ТЕ, КОМУ нужен памятник Солженицыну; ТЕ, КОГО ненавидят «патриоты заграницы»; ТЕ, ЧЬИ предки скифы; на полюсе ЧУЖИЕ – боевые феминистки; Европа; ОНИ, КОТОРЫЕ бы убивали; «патриоты заграницы». Конкретное семантическое наполнение оппозиции, реализуемое в заголовках, носит динамический характер, демонстрирует более сложную и разнообразную вариативность, «неупрощенность» в категории «СВОИ». Это усложняет для читателя процесс идентификации. В данной группе авторских материалов используется стратегия создания чужого круга и стратегия известного дистанцирования от этого очерченного круга.

Вторая группа заголовков представлена, по сути, только одним, но стилистически ярким примером («О прекрасной Бриташке и странной Рашке») с очевидным ироническим кодированием посредством использования словообразовательного аналога уничижительного названия России, а также оценки «прекрасная – странная» с принципиальной для русской логосферы оценочной категорией странности. Анти-тетичность расставляет акценты: СВОЯ странная Рашка, ЧУЖАЯ прекрасная Бриташка.

Самой многочисленной является третья группа заголовков, в которой 17 заголовочных единиц: «Русским разрешили не “фильтровать базар”», «Патриарх Алексей II стал благословением для русского народа», «Николай II – отец-основатель русской авиации», «Русские – это не прилагательное», «Самый русский композитор», «Юрий Мамлеев был пророком русского хаоса», «Русский человек на рандеву», «10 русских идей», «Русский Пиночет», «История великих русских книг», «Отмена “ятя” и “фиты” стала трагедией для русского языка», «У кого Пушкин – негр, у того Цой – нерусский» и т. д. В данном случае главной является стратегия сближения, создание образа СВОИХ и СВОЕГО прежде всего не на этноинтегративной основе, а на исторической, культурной, языковой и религиозной общности, которая и создает специфичность СВОИХ и СВОЕГО пространства.

Таким образом, уже на заголовочном уровне текста (39 единиц из 121) в дискурсе современного представителя русского национализма Егора Холмогорова определяется первоочередная значимость и многозадачность оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» не только в конструировании конкретной речевой практики русского национализма, но и в целом в процессе организации читательского восприятия, максимально «настраиваемого» автором на полюс СВОЕГО, образующего вокруг него рамочное пространство из однородных идей, смыслов, позиций.

Выводы

Русский национализм, представленный отдельной дискурсной формацией с «плавающими» границами, является частью общей политической коммуникации, ее конструктивный принцип («борьба за власть») обуславливает существование в политическом дискурсе в качестве организующего начала оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Для политической коммуникации она признается базовой и рассматривается «во многих современных лингвистических исследованиях, авторы которых выражают различные точки зрения относительно ее статуса»¹. Оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ» является проекцией семиотической триады «интеграция – ориентация – агональность». В политической коммуникации данная триада обусловлена прежде всего функционально – субъекту политического дискурса нужно: а) сформулировать и разъяснить свою позицию; б) найти и сплотить сторонников; в) бороться с соперниками, политическими оппонентами. При этом природная антропоцентрическая сущность оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» определяет и одно из главных ее свойств – способность формировать оценочное поле текста.

Разноаспектные исследования русского националистического дискурса обнаруживают необходимость обращения к установлению и объяснению демаркационных линий внутри оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ (ДРУГОЙ)», коммуникативная гибкость и семантическая эластичность которой основана на прагматической и социальной сущности данного феномена. Вместе с тем в поле зрения исследователей попадает и вопрос о существующих лингвопрагматических способах и средствах репрезентации рассматриваемой оппозиции в дискурсивном пространстве русского национализма.

К наиболее репрезентативным источникам изучения контента русского националистического дискурса относятся: в историческом плане – учебная литература (школьные учебники по истории), медиаисточники (правительственная пресса, отдельные издания праворадикального толка), стенографические отчеты выступлений депутатов на сессиях дореволюционной Государственной думы; на современном этапе – креолизованные медиатексты, размещаемые на различных коммуникативных платформах. Прагматический анализ современных дискурсивных практик русского национализма показывает, что коммуникативные стратегии, выбираемые субъектами дискурса, фокусируются на создании: 1) образа врага; 2) оппозиции по национальному / религиозному признаку; 3) образа освободительных действий – и в первую очередь являются производными от когнитивной бинарной оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ». При использовании стратегии редукционизма когнитивная модель текста разбивается на части, становится поляризованной, с упрощенным восприятием ЧУЖОГО. В свою очередь поляризация и упрощенность обуславливают повышенный уровень агрессивности националистического дискурса.

Из всего арсенала языковых средств для реализации оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в националистическом дискурсе активно используются тропеические и фигуративные средства (различного характера метафоры, ирония, микро- и макрофигуры), инвективная лексика.

---

¹ Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих». – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – С. 30.

Оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ», рассмотренная на заголовочном уровне текстов одного из последовательных идеологов русского национализма Егора Холмогорова, проявляет свою значимость не только в конструировании конкретной речевой практики русского национализма, но и в целом в процессе организации читательского восприятия, которое максимально настраивается автором на полюс СВОЕГО, образует вокруг него рамочное пространство.

Литература

Алиева Т. В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва: [б. и.], 2013. – 28 с.

Барт Р. Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва: Прогресс: Универс, 1994. – С. 535–540.

Бурцев В. А. Дискурсивная формация как единица анализа дискурса // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 10 (66). – С. 9–16.

Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 242–245.

Герасимова М. Н. Формирование образа врага средствами оценочной номинации (на материале современного политического дискурса) // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XII выездной школы-семинара (Череповец, 29–30 ноября 2013 г.) / ответственный редактор Е. В. Грудева. – Череповец: ЧГУ, 2014. – С. 93–99.

Герасимова М. Н., Грудева Е. В. Языковая личность в этнически ориентированном Рунете (на примере функционирования концептов СВОЙ, ЧУЖОЙ, ДРУГОЙ) // Современная языковая личность: типы порождаемых текстов и методы их изучения / под редакцией Е. В. Грудевой. – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 105–125.

Громыко С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной думе Российской империи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 56. – С. 23–33.

Громыко С. А. Ирония в выступлениях депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе (на материале выступлений Н. Е. Маркова) // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике: Сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике, 1–3 февраля 2017 г. / под редакцией В. И. Аннушкина. – Москва: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 128–134.

Громыко С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной думе) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 7–1 (61). – С. 112–115.

Громыко С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 217–224.

Громыко С. А. Художественная литература как источник прецедентности в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале речей депутатов-националистов) // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 40–52.

Громыко С. А., Ганичева С. А. Антитетические модели построения высказывания в русской парламентской речи начала XX века (на материале выступлений депутатов-националистов) // Казанская наука. – 2018. – № 10. – С. 80–83.

Живов В. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 3 (91). – С. 114–140.

Иванова Е. М. О традиционности современного политического дискурса // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции (Екатеринбург, октябрь 2003 г.) / под редакцией А. П. Чудинова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. – С. 58–59.

Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – 272 с.

Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 4 (48). – С. 174–179.

Летняков Д. Э. Н. М. Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 72–86.

Матвеев А. В. Идеологема «русский» в думской риторике В. М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7–2 (69). – С. 118–122.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 246 с.

Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. – 2012. – № 1 (46). – С. 162–186.

Миллер А. И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4. – С. 141–151.

Палеева Н. В. Конструирование русского националистического дискурса и его «Другие» в 1860–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Санкт-Петербург: Лема, 2006. – 16 с.

Пеше М., Фукс К. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под редакцией П. Серию. – Москва: Прогресс, 1999. – С. 105–123.

Современная языковая личность: типы порождаемых текстов и методы их изучения / под редакцией Е. В. Грудевой. – Новосибирск: СибАК, 2014. – 196 с.

Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики. Лингвистический образ «своих» и «чужих». – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – 200 с.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – Москва: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Москва: Перемена, 2000. – 326 с.

References

Alieva T. V. *Iazykovye sredstva realizatsii kontseptual'noi oppozitsii "svoi – chuzhoi" v britanskom politicheskom diskurse (na materiale zhanra komp'iuternykh konferentsii)* [Language means realizing the conceptual opposition “own – alien” in the British political discourse (based on the material of the computer conference genre): abstract PhD thesis in Philology]. Moscow, 2013. 28 p.

Bart R. *Voina iazykov* [War of languages]. *Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress: Univer, 1994, pp. 535–540.

Burtsev V. A. *Diskursivnaia formatsiia kak edinitsa analiza diskursa* [Discursive formation as a unit of discourse analysis]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2008, no. 10 (66), pp. 9–16.

Voroshilova M. B. *Kognitivnyi arsenal i kommunikativnye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa* [Cognitive arsenal and communicative strategies of modern nationalistic discourse]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics Journal], 2014, no. 3 (49), pp. 242–245.

Gerasimova M. N. *Formirovanie obraza vruga sredstvami otsenочноi nominatsii (na materiale sovremennogo politicheskogo diskursa)* [Formation of the enemy image by means of evaluative nomination (based on the material of modern political discourse)]. *Problemy porozhdeniia i vospriiatiiia rechi: Materialy XII vyeznoi shkoly-seminara (Cherepovets, 29–30 noiabria 2013 g.)* [Prob-

lems of speech generation and perception: Proceedings of the XII school-seminar (November 29–30, 2013, Cherepovets); ed. by E. V. Grudeva]. Cherepovets: ChGU, 2014, pp. 93–99.

Gerasimova M. N., Grudeva E. V. Iazykovaia lichnost' v etnicheski orientirovannom Runete (na primere funktsionirovaniia kontseptov SVOI, ChUZhOI, DRUGOI) [Language personality in the ethnically oriented Runet (by the example of the concepts OWN, ALIEN, OTHER)]. *Sovremennaia iazykovaia lichnost': tipy porozhdaemykh tekstov i metody ikh izucheniia* [Modern language personality: types of generated texts and methods of their study; ed. by E. V. Grudeva]. Novosibirsk: SibAK, 2014, pp. 105–125.

Gromyko S. A. "Natsional'nyi argument" v russkoi parlamentskoi ritorike (na materiale diskussii v Gosudarstvennoi dume Rossiiskoi imperii) [Argument for nationality in the Russian parliamentary rhetoric (on the material of the discussions in the State Duma of the Russian Empire)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 56, pp. 23–33.

Gromyko S. A. Ironiia v vystupleniiakh deputatov-natsionalistov v dorevoliutsionnoi Gosudarstvennoi dume (na materiale vystuplenii N. E. Markova) [Irony in the speeches of nationalist deputies in the pre-revolutionary State Duma (based on the N. E. Markov's speeches)]. *Ritorika i kul'tura rechi v sovremennom nauchno-pedagogicheskom protsesse i obshchestvenno-kommunikativnoi praktike: Sbornik materialov XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po ritorike, 1–3 fevralia 2017 g.* [Rhetoric and speech culture in the modern scientific and pedagogical process, social and communicative practice: Proceedings of the XXI International scientific conference on rhetoric, February 1–3, 2017; ed. by V. I. Annushkin]. Moscow: Gos. IRIa im. A. S. Pushkina, 2017, pp. 128–134.

Gromyko S. A. Obrashchenie k istorii kak ritoricheskii argument v russkoi parlamentskoi rechi (na materiale vystuplenii deputatov-natsionalistov v dorevoliutsionnoi Gosudarstvennoi dume [Addressing history as a rhetoric argument in the Russian parliamentary speech (on the material of the speeches of nationalist Duma members in the pre-revolutionary State Duma)]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2017, no. 7–1 (61), pp. 112–115.

Gromyko S. A. Osobennosti rechevoi agressii russkikh natsionalistov v dorevoliutsionnoi Gosudarstvennoi dume [Features of the verbal aggression of Russian nationalists in the pre-revolutionary State Duma]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political Linguistics Journal], 2016, no. 4 (58), pp. 217–224.

Gromyko S. A. Khudozhestvennaia literatura kak istochnik pretsedentnosti v russkom parlamentskom diskurse nachala XX veka (na materiale rechei deputatov-natsionalistov) [Fiction as a source of precedents in Russian parliamentary discourse of the early twentieth century (on the material of nationalist deputies' speeches)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2018, no. 7, pp. 40–52.

Gromyko S. A., Ganicheva S. A. Antiteticheskie modeli postroeniia vyskazyvaniia v russkoi parlamentskoi rechi nachala XX veka (na materiale vystuplenii deputatov-natsionalistov) [Antithetic model construction statement in the Russian parliamentary debate in the beginning of the XX century (on the material of the nationalist deputies' speeches)]. *Kazanskaia nauka* [Kazan Science], 2018, no. 10, pp. 80–83.

Zhivov V. Chuvstvitel'nyi natsionalizm: Karamzin, Rostopchin, natsional'nyi suverenitet i poiski natsional'noi identichnosti [Sensitive nationalism: Karamzin, Rostopchin, national sovereignty and the search for national identity]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Russian studies in literature], 2008, no. 3 (91), pp. 114–140.

Ivanova E. M. O traditsionnosti sovremennogo politicheskogo diskursa [On the traditionality of modern political discourse]. *Sovremennaia politicheskaiia lingvistika: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, oktiabr' 2003 g.)* [Modern political linguistics: Proceedings of the international scientific conference (Ekaterinburg, October 2003); ed. by A. P. Chudinov]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2003, pp. 58–59.

Issers O. S. *Diskursivnye praktiki nashego vremeni* [Discursive practices of our time]. Moscow: LENAND, 2015. 272 p.

Kishina E. V. Semanticheskaia oppozitsiia “SVOI – ChUZhOI” kak realizatsiia ideologo-manipuliativnogo potentsiala politicheskikh diskursov [The semantic opposition “OWN – ALIEN” as the realization of ideological manipulative potential of political discourses]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2011, no. 4 (48), pp. 174–179.

Letniakov D. E. N. M. Karamzin i zarozhdenie natsionalisticheskogo diskursa v Rossii [N. M. Karamzin and the origin of nationalist discourse in Russia]. *Istoriia filosofii* [History of philosophy], 2016, vol. 21, no. 1, pp. 72–86.

Matveev A. V. Ideologema “russkii” v dumskoi ritorike V. M. Purishkevicha (opyt kontent-analiza) [Ideologeme “Russian” in V. M. Purishkevich Duma rhetoric (content analysis experience)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice], 2016, no. 7–2 (69), pp. 118–122.

Miller A. I. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia* [The Romanov Empire and nationalism: Essay on the methodology of history research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 246 p.

Miller A. I. Istoriia poniatia “natsiia” v Rossii [History of the concept of “nation” in Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2012, no. 1 (46), pp. 162–186.

Miller A. I. O diskursivnoi prirode natsionalizmov [On the discursive nature of nationalisms]. *Pro et Contra* [Pro et Contra], 1997, vol. 2, no. 4, pp. 141–151.

Paleeva N. V. *Konstruirovaniie russkogo natsionalisticheskogo diskursa i ego “Drugie” v 1860–1917 gg.* [Construction of the Russian nationalist discourse and its “Others” in 1860–1917: abstract PhD thesis in Politology]. St Petersburg: Lema, 2006. 16 p.

Peshe M., Fuks K. Itogi i perspektivy. Po povodu avtomaticheskogo analiza diskursa [Results and prospects. On the automatic discourse analysis]. *Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis; ed. by P. Serio]. Moscow: Progress, 1999, pp. 105–123.

Sovremennaia iazykovaia lichnost': tipy porozhdaemykh tekstov i metody ikh izucheniia [Modern language personality: types of generated texts and methods of their study; ed. by E. V. Grudeva]. Novosibirsk: SibAK, 2014. 196 p.

Cherniavskaia V. E., Molodychenko E. N. *Istoriia v diskurse politiki. Lingvisticheskii obraz “svoikh” i “chuzhikh”* [History in the discourse of politics: the linguistic image of “own” and “alien”]. Moscow: LENAND, 2014. 200 p.

Chudinov A. P. *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 256 p.

Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Peremena, 2000. 326 p.

Для цитирования: Иванова Е. М. Лингвопрагматические параметры оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в современном дискурсе русского национализма (на материале текстов Е. Холмогорова) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 5 (98). – С. 38–54. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-5-98-3

For citation: Ivanova E. M. Linguopragmatic parameters of the OWN – ALIEN opposition in the contemporary discourse of Russian nationalism (on the material of E. Kholmogorov’s texts). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 5 (98), pp. 38–54. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-5-98-3